

DOCTOR WHO

BIG
FINISH

SHORT TRIPS: SNAPSHOTS

A SHORT-STORY ANTHOLOGY

EDITED BY
JOSEPH LIDSTER

ДОКТОР КТО

Короткие путешествия
(ST-21)

ФОТОСНИМКИ

Сборник рассказов под редакцией Джозефа Лидстера.

Short Trips (ST-21)
Snapshots

Edited by Joseph Lidster

Оставаясь в свете

Эдди Робсон

Перевод [Creeping Death] и Katherine

*Приключение Антона Хеллинджера
с Восьмым Доктором и Люси Миллер*

Выглядывая из окна, я вижу странную штуку на пляже, и первая мысль, которая приходит ко мне в голову — спросить, как давно это здесь. Но Джастин уже ушла домой и спрашивать мне не у кого. Ещё только 9:30, но ей нужно появиться на каком-то семейном мероприятии, по крайней мере, она так сказала. Моя вторая мысль — пойти наружу и взглянуть поближе, поэтому я выхожу из пляжного домика. До этой штуки примерно пятьдесят футов. Сначала я думал, что это какая-то огромная чёрная рыба, но на самом деле это что-то обернутое то ли резиной, то ли пластиком, то ли чем-то похожим. Я подбираю палку на побережье и тыкаю в загадочный сверток несколько раз.

Ничего не происходит.

Сквозь шум прибоя я слышу, как в доме звонит телефон. Сначала я думаю, что дом не мой и мне нет

никакого смысла брать трубку, но потом я решил, что это может быть Кэмерон, а может кто-то из нашей тусовки, или кто-то звонит с идеей устроить вечеринку здесь, в пляжном домике. Я спешу назад к дому, и успеваю как раз вовремя, чтобы не пропустить звонок. Я беру трубку.

— Привет, — говорю я, убавляя звук на аудиосистеме, но не слишком — играет моя любимая песня в стиле «Go-Go».

— Здравствуйте, — отвечает голос на другом конце, британец, — Можно позвать Элисон?

— Кто такая Элисон? — спрашиваю я. — Она друг Кэмерона?

— Не знаю. А кто такой Кэмерон?

— Это его дом.

— Не подскажите, правильный ли у меня номер? — голос собеседника, зачитывающий цифры, звучит напряжённо.

— Да, думаю да.

— Дом на Парадайс Ков, Зума Бич, Малибу, округ Лос-Анджелес?

— ...Калифорния, Соединенные Штаты Америки, Земля, Солнечная система. Да.

— А только что ничего не выбрасывало на берег?

— Да, — я оглядываюсь по сторонам, решив, что это чья-то шутка. Но потом спрашиваю себя, как бы им это удалось. — Подождите, кто это?

— Я Доктор, — говорит он. — И, если Элисон там нет, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Эй, эй, полегче...

— Пожалуйста, это важно. Я думал, что здесь будет кое-кто, кому я доверяю, но очевидно, её здесь нет. Так

что мне нужно, чтобы ты стал тем, кому я смогу доверять.
Как тебя зовут?

— Антон.

— Антон, пожалуйста, сделай то, что я прошу.

Я решил, что делать сейчас все равно нечего.

— И что же тебе от меня нужно?

— Принеси ту вещь с пляжа. Кто-нибудь может тебе помочь?

— Нет.

— Мне жаль, но, боюсь, она очень тяжёлая.

— Ничего. Я справлюсь.

— Пожалуйста, будь с ней аккуратен. Она немного хрупкая.

Я откладываю трубку в сторону и возвращаюсь назад на пляж, к той штуке. После короткого осмотра, я замечаю, что на одном из краев две ручки. Я берусь за одну из них, приподнимаю, и иду обратно к дому, волоча штуковину за собой. Она довольно тяжёлая, но её вполне можно волочить по мокрому песку и дальше по ковру в доме. Надеюсь, Кэмерон не будет злиться, если останутся следы. Я снова беру трубку.

— Итак, что дальше?

— А ты быстро! Есть ли в доме что-нибудь острое? Кухонный нож вполне подойдет.

— Пойду, найду что-нибудь подходящее и вернусь.

— Вскрой сумку. Будь очень *аккуратен*, не порежь её.

— Её?

— Пожалуйста...

— В этой штуке что, кто-то есть? Почему ты не сказал мне об этом сразу?

— Потому что знал, что ты сразу начнёшь задавать вопросы. Пожалуйста, открой сумку. Только осторожно.

Материал неплотно обернут вокруг содержимого, так что я осторожно оттягиваю провисшую часть, очищаю и делаю длинный надрез. Затем аккуратно развожу в стороны края разреза, раскрывая его так, чтобы можно было просунуть внутрь руку. Я откладываю нож в сторону и тяну за края. Материал жёсткий, но стоит приложить небольшое усилие, как он рвется, представляя моему взору девушку, на вид двадцати — двадцати двух лет. Худая, невысокая, блондинка с дерзким выражением лица. На ней надеты джинсы и красная футболка с короткими рукавами. У неё бледная кожа. Она не дышит. Внезапно осознав, что нахожусь один на один с мёртвым телом, я хватаю телефон.

— Что это такое? — спрашиваю я.

— Не что, а кто. Она мой друг. Ее зовут Люси.

— Она мертва.

— Нет. Ну, технически да, но я никогда не был фанатом технических деталей. Там кое-что привязано к её запястью. Сними это и разверни.

Я так и делаю. Внутри оказывается нечто, похожее на инсулиновый комплект, с чем-то вроде пистолета с иглой на конце. Там же находятся две прозрачные капсулы, на одной из которых маркером написана большая цифра 1, на другой 2.

— Возьми капсулу номер один, — говорит парень по телефону. — Там есть место сзади аппликатора, куда ты можешь её поставить. Аккуратно надавливай, пока не услышишь щелчок, потом поднеси аппликатор к её коже и нажми на курок.

Я делаю, как он говорит, но в какой-то момент, несколько минут назад, мои руки начали дрожать, что несколько усложняет задачу.

— Хорошо, сделал. Что дальше?

— Подожди минуту.

Я жду, но это просто невыносимо.

— Видишь какие-нибудь движения?

Я сморю на девушку.

— Нет, я ничего не вижу. Она... мертва.

— Оно может быть едва заметным. Присмотрись к её глазам.

Я смотрю на них. Мне кажется, что я вижу лёгкое подрагивание ресниц, и я говорю об этом.

— Тебе кажется? — переспрашивает Доктор.

— Да. Нет, я точно что-то вижу.

— Хорошо. Извлеки первую капсулу и введи следующую.

Я устанавливаю вторую капсулу и делаю второй укол. На этот раз я действую увереннее. Затем я возвращаюсь к телефону.

— Итак, что все это...

Глаза девушки открываются, и она делает резкий вдох. Я подскакиваю обратно к ней. Она вертит головой, а потом сильно кашляет.

— О, слава небесам, — говорит Доктор.

— Именно это и должно было произойти? — спрашиваю я.

— Да. С ней все будет в порядке. Спасибо тебе.

Девушка перестаёт кашлять и поднимает на меня глаза.

— Ты говоришь с ним? — она тоже британка.

— С кем? — переспрашиваю я.

— С Доктором.

— Ну... да.

— Дай сюда, — она отбирает у меня трубку. Только сейчас я заметил, что песня кончилась, и эта передышка дала мне возможность включить что-нибудь успокаивающее. И, пока она разговаривает по телефону, я иду и выбираю другую пластинку.

— Это было отстойно, — говорит она. — Неужели это был единственный способ, чтобы выбраться оттуда? — пауза, пока он говорит.

— У меня во рту вкус... опилок. Это нормально? — пауза.

— Ты — *что*? Я думала, ты отправляешь меня к, дословно: «старому доброму другу», конец цитаты. Итак, что это за парень?

Я достаю «Seven and the Ragged Tiger» группы «Duran Duran» и ставлю в проигрыватель, притворяясь, что не слушаю Люси.

— И откуда, скажи на милость, такая уверенность, что с ним я буду в порядке? — говорит она, — Он может оказаться кем угодно!

Пауза, во время которой она осматривает меня с головы до ног.

— Да, я знаю, что у тебя было немного вариантов. Но тем не менее. Иногда тебе просто невозможно доверять. Итак, когда ты собираешься приехать за мной? — Пауза. — Фантастика, — говорит она саркастически, — И что прикажешь мне до тех пор делать? Где я буду спать?

Пауза.

— Мы поговорим об этом позже. Увидимся в субботу.

Она кладет трубку и снова кашляет. Когда дыхание восстанавливается, она оглядывается, задерживает взгляд на украшенной ёлке и поворачивается ко мне:

— Сейчас что, Рождество? — спрашивает она.

— Да, — говорю я.

— Чёрт. А я и понятия не имела... Значит это ты, принёс меня сюда и сделал уколы?

— Ну... да, — говорю я.

— Спасибо. Я... эээ... благодарна, что ты вернул меня к жизни и всё такое. Но не пытайся шутить со мной.

— Я и не думал.

— Хорошо.

— Меня зовут Антон.

— Рада за тебя. Я Люси, — она потягивается и морщится, осматривая свою руку. — Ай, — говорит она, осторожно прикасаясь к руке. Я осознаю, что, возможно, это место, куда я попал, когда тыкал в пакет палкой. Она принюхивается к своей футболке и кривится.

— О, Господи, я воняю. Здесь есть душ?

— Да, — отвечаю я. — Наверху.

— Ура, — она поднимается на ноги и идет в холл. — Если поймаю за подглядыванием, голову откручу, — предупреждает она, не оборачиваясь.

Я следую за ней и останавливаюсь в дверном проеме.

— Эй, — говорю я, пока она медленно поднимается по лестнице, — Хочешь, чтобы я свалил и оставил тебя в одиночестве на часок или типа того? Я мог бы найти тебе какой-нибудь одежды или принести еды, если ты голодна...

Она останавливается на последней ступени и оборачивается.

— На самом деле — да. Готова убить за бургер.

Я возвращаюсь домой примерно час спустя. Очень громко играет «Love Action» в исполнении «The Human League», Люси танцует. Музыка настолько громкая, что она меня не слышит. Я касаюсь её плеча, отчего она выглядит смущённой, но тут же смеётся и убавляет звук. Я показываю ей пакет из Большого Бургера Кахуны. Она садится на диван, я сажусь в кресло, и мы едим под МТВ.

— Как тебе бургер? — спрашиваю я.

— Мммм, — говорит она с набитым ртом, — объединение.

Закончив ужин, она идёт вверх по лестнице, чтобы переодеться в одежду, которую я одолжил у моей сестры, а свою собственную одежду положить в стиральную машину. Люси говорит, что позаимствованная одежда не совсем ей подходит, а я отвечаю, что, если она хочет, мы можем пойти завтра и купить ей что-нибудь. Она говорит, что у неё всего лишь двадцать долларов, а я отвечаю, что это не имеет значения. Она выглядит более расслабленной, чем в момент своего пробуждения, что, я думаю, можно понять.

— Прости, если была резка с тобой, — говорит она. — Просто, ну ты понимаешь, я же тебя совсем не знаю, и тогда я была довольно уязвима.

— Всё в порядке, — говорю я. — Кстати, ты можешь остаться здесь. Это дом друга моего друга. Я проверил, он не вернётся в город до воскресенья.

Она расспрашивает обо мне. А я рассказываю о колледже, о том, как это странно, вернуться назад в Лос-Анджелес и снова жить с родителями после четырёх

месяцев в Беннингтоне, и о том как же все по-другому на восточном побережье. Я спрашиваю её, чем же она таким занималась, что привело её, технически мёртвую, на пляж в мешке. Она говорит:

— Длинная история, — и рассказывает что-то о подавлении жизненных сигналов, для уверенности, что она проникла сюда незамеченной. Я спрашиваю, кто же не должен её заметить. Департамент миграции? Она смеётся и отвечает что нет, ничего подобного, а потом добавляет, что она и её друг попадают в такие ситуации постоянно. Я решаю больше этим не надоедать.

Люси говорит много, но ничего не рассказывает о себе. Я спрашиваю, не из Ливерпуля ли она, потому что у неё акцент, как у Джона Леннона, и она говорит нет, у неё совершенно другой акцент. Я спрашиваю, где она была, когда Джона Леннона застрелили. Она отвечает, что не помнит.

На следующее утро я прихожу в пляжный домик в 10:30. Люси ещё только проснулась. Я жду внизу, пока она примет душ и оденется, а сам тем временем слушаю кассету, которую принес с собой. Она спускается вниз, наполняет свою тарелку фруктовыми хлопьями. Я хочу, чтобы она спросила, что это за музыка, но она этого не делает. Так что я рассказываю ей, что это новый материал со следующего альбома «Talking Heads», который записал мне мой друг Эйб, чей сводный брат работает на Уорнер. Она кивает, но не думаю, что она меня слушает. Потом на записи начинаются песни, которыми Эйб заполнил оставшиеся десять минут — два разных микса песни Мадонны «Crazy For You», которые выйдут после «Material Girl», и поэтому их не будут крутить по радио до тех пор.

Люси подпевает. Она знает каждое слово. Не круто спрашивать, откуда она знает их, но спросить очень хочется. Она явно что-то недоговаривает. Я начинаю издалека.

— Тебе нравится Мадонна? — спрашиваю я.

— Да, — говорит она и ничего не добавляет о том, откуда она знает эту песню.

Мне хочется спросить: «Так ты знакома с самой Мадонной или как?», но я этого не делаю. Я говорю:

— А какие еще исполнители тебе нравятся?

Она улыбается:

— Многие. «Scissor Sisters», Пинк, «Sugababes», «Gnarls Barkley», Лили Аллен, «Gorillaz», «Goldfrapp», «OutKast», «The Killers»...

— Хм, — говорю я. — Это все британские группы?

— Некоторые из них.

Я киваю.

— Круто.

Я выхожу из комнаты и записываю все названия, которые успел запомнить. Потом позвоню Дэннису, если он все еще в Лондоне, попрошу поискать для меня какие-нибудь записи этих групп.

Мы выезжаем, чтобы позавтракать и проводим большую часть дня, катаясь по округе. Я покупаю Люси немного одежды, и она обещает вернуть мне долг, когда появится Доктор, на что я говорю ей, что это не важно вернёт она мне деньги или нет. Она может считать это рождественским подарком. Она выбирает футболку с надписью «Фрэнки говорит — расслабься», тёмно-синюю спортивную майку, джинсы, конверсы и солнечные очки, которые она не снимает до конца дня. Я спрашиваю о её

отношениях с этим парнем «Доктором», а она говорит, что все спрашивают об этом, но на самом деле они просто путешествуют вместе. В шесть мы идем на пресс-показ нового фильма, который называется «Клуб «Завтрак»», на который я могу написать рецензию для студенческой газеты, когда вернусь в Беннингтон. Я собирался позвать с собой Джастин, но она так и не перезвонила, чтобы назначить встречу, поэтому я взял Люси. Она клянётся, что уже видела этот фильм, но я говорю, что она, должно быть, перепутала с чем-то другим. Она рассказывает мне шёпотом весь сюжет до того, как погас свет в зале, и потом весь фильм разворачивается точно так, как она говорила.

Потом мы покупаем еды и заезжаем в дом моих родителей. Я оставляю вещи моей сестры и показываю Люси мой новый сиди-плеер, но ей, похоже, совсем неинтересно. Надо будет раздобыть побольше дисков до возвращения в колледж. Мы направляемся к «Ящичку Пандоры», и я включаю радио, пока веду машину. Диджей поставил «Echo Beach» в исполнении «Martha and the Muffins». Люси подпевает и смеется, когда начинается реклама:

— На самом деле так и есть, у меня очень скучная работа, я правда обычный офисный клерк.

— Я думал, ты путешествуешь.

— Да, — говорит она, — сейчас да.

Мы отправляемся в клуб, послушать «Psychedelic Furs» и там, на втором этаже я встречаю Джея, Каина, Донну, Блейка, Нила, Таму и Лайнуса. Они все, очевидно, не понимают, как общаться с Люси, что меня очень радует. Никто не хочет признать, что из-за клубного шума, они не

всегда могут понять её акцент. Она болтает с ними примерно полчаса, пока диджей не включает «When Doves Cry» в исполнении «Prince & the New Power Generation» и Люси отправляется вниз, танцевать. Нил спрашивает меня о ней, откуда она, а я отвечаю, что это длинная история. А потом рассказываю правдоподобную версию: один мой друг уехал из города и попросил меня показать ей окрестности, пока он не вернется. Я упомянул, что она остановилась в домике Кэмерона.

— Как ты думаешь, он будет не против? — спрашиваю я Нила.

— Конечно, — отвечает Нил, — он никогда не бывает против. В любом случае, до воскресенья его не будет в городе. Он с Гвен.

Я не хочу продолжать разговор о том, как велик Кэмерон Хэйес, поэтому просто подвожу черту.

— Спасибо, что одолжил мне ключи. Мне так нужно было пожить где-то на нейтральной территории.

— А как дела с Джастином?

— Очень, очень неловко. Я не знаю... Думаю, мне нужно было чаще звонить ей во время семестра, но...

Нил пожимает плечами.

— Вы на разных побережьях. Это неизбежно. Это неповторимый жизненный опыт. Наслаждайся.

— Наслаждаться? Медленным, почти неотвратимым, но всё равно болезненным отдалением от девушки, которая была моей со старших классов? Наслаждаться?

— Неповторимых опытов не так уж много в жизни, Антон. Кроме того, это была твоя собственная глупая идея поехать учиться на морозный восток.

— Да... вернувшись домой, я размышлял насколько глупой была идея переезда.

— Ты все еще можешь перевестись, занять место Джея в Калифорнийском Университете Лос-Анджелеса, он, в любом случае, уже практически бросил учёбу.

Я не знал об этом, и прошу рассказать подробнее, но вдруг слышу, как меня зовут с танцпола. Я перегибаюсь через перила, и Люси жестом спрашивает, не хочу ли я чего-нибудь выпить. Я киваю, она показывает мне большой палец, и под ритм «Wordy Rappinghood» группы «Tom Tom Club» плавной походкой направляется к бару. Я оглядываюсь и вижу, что Нил присоединился ко мне. Он усмехается:

— Она что что-то типа твоей Элайзы Дулиттл?

Я смеюсь.

— А она в курсе про Джастин?

Я собираюсь спросить, почему она должна об этом знать? И вдруг осознаю, что ни разу не упомянул Джастин в разговоре с Люси.

Несколько часов спустя мы едем вдоль по Сансет, назад в пляжный домик. Люси пьёт ванильный молочный коктейль, на ней солнечные очки, несмотря на то, что уже заметно стемнело, в колонках «Boys of Summer». И когда мы возвращаемся домой, я просто думаю, какой это был хороший день. Мы входим внутрь, чтобы найти почерневший обугленный труп посреди ковра в жилой комнате.

— Ах, Калифорния! — говорит Доктор Люси, когда мы входим в закусочную субботним утром. Это мужчина

примерно сорока лет с длинными волосами и жизнерадостным лицом. На нём серые брюки и футболка, рядом с ним лежит сумка.

— Так много воспоминаний. Знаешь, однажды я умер в Сан-Франциско.

Я представляюсь, и он благодарит меня за воскрешение Люси.

— Что это на тебе надето? — спрашивает его Люси.

Доктор смотрит на свою футболку с надписью «Банановые Слизи Калифорнийского Университета Санта-Крус».

— Мои пиджак и рубашка были в крови. Пришлось их выбросить.

— И откуда же взялась эта футболка?

— Я нашёл её в шкафчике. И как тебе?

— Ты выглядишь как придурок.

— Не у всех нас есть время, чтобы ходить по магазинам, — говорит он, указывая на Люси. Она снова переоделась.

— Антон купил мне эти вещи, — говорит она.

Доктор бросает пристальный взгляд в мою сторону

— Как щедро. Ты проверила, ТАРДИС все ещё здесь?

— Ага, в Санта-Монике.

Она обращается ко мне.

— Та синяя штука, к которой мы ездили вчера, — и снова Доктору, — может ты, наконец, дашь мне ключ?

Доктор прокашливается.

— Я подумаю об этом.

Люси собирается ответить, но тут подходит официант, чтобы принять заказ. Пока мы ждём еду, Люси рассказывает Доктору о почерневшем трупe в пляжном

домике. Мы не знаем всю историю, за ночь тело исчезло. Нам не удалось найти ни единой его частицы на ковре. Но, похоже, для Доктора это не имеет никакого значения. Он просит отвести его туда.

— Но там и в самом деле ничего нет, — говорю я ему.

— А мог кто-нибудь его унести? — спрашивает он.

— Не думаю, — говорит Люси, — я была там всю ночь. В смысле, я спала, но думаю, что обязательно что-нибудь бы услышала.

Я не был там ночью. Это меня пугает. Я приехал сегодня утром и обнаружил Люси, которая уплетала тосты, глядя, как последние частицы тела растворяются в воздухе.

Закончив завтракать, мы делим с Доктором счёт и возвращаемся в домик. Доктор немедленно приступает к осмотру всех комнат на первом и втором этаже и заканчивает в общей комнате. Он спрашивает о Кэмероне, но на самом деле я ничего о нём не знаю, кроме того, что он красив и богат. Он спрашивает, как давно Кэмерон владеет этим домом. По разговорам с Нилом мне казалось, что уже давно — года два или три. Доктор качает головой.

— Я навещал Элисон здесь в прошлом мае.

Внезапно он переключает своё внимание на книжные полки, рассматривает книги и записи.

— У него есть несколько по-настоящему отличных пластинок, — говорю я, — вон там невероятно редкая запись Элвиса Костелло.

Доктор достаёт пластинки и внимательно их рассматривает, около десятка, одну за другой. Он тщательно исследует обложки, внутри и снаружи.

— Думаю, большинство из них подержанные.

— С чего это ты так решил? — спрашивает Люси.

— Взгляни. Большинство людей либо аккуратно обращаются со своими вещами, либо нет. Некоторые из этих пластинок очевидно не новые, но все ещё в отличном состоянии, в то время как другие сильно помяты и зацарапаны.

Он достает одну из кучи.

— Кто-то написал время каждой песни на внутренней обложке.

Доктор указывает на книжные полки.

— То же самое с книгами. Корешки некоторых сломаны, другие читали с большей осторожностью.

Я беру несколько записей. Люси спрашивает:

— И что?

— Так если он настолько богат, зачем ему покупать подержанные книги и пластинки, если он может купить их в лучшем магазине? Кроме Костелло, конечно. Согласен, что, возможно, это настоящий раритет.

Мы смотрим друг на друга. Нам нечего сказать.

Внезапно открывается дверь и входит мужчина. Он высокий, светловолосый и загорелый, ему около двадцати, на нём пляжная рубашка и брюки цвета хаки. Он снимает солнечные очки и с явно недобрым любопытством смотрит на нас.

Я шагаю ему навстречу и вполне обосновано предполагаю:

— Кэмерон?

Вновь прибывший кивает. Я протягиваю руку.

— Антон. Я друг Нила. Он, хм, одолжил мне ключи.

Кэмерон смотрит на меня в течение нескольких секунд и улыбается.

— Да, точно, — он пожимает мне руку, — я был в Сан-Франциско по делам. Ну и как вам понравился дом?

— Мило, — отвечает Люси.

— А мы тут рассматриваем коллекцию твоих пластинок, — говорит Доктор, — ты был прав, Антон, у него есть эта пластинка — не хочешь поставить?

Он протягивает мне копию «More Specials» группы Specials. Я беру её, ставлю в проигрыватель и опускаю иглу на «International Jet Set» — моя любимая песня в этом альбоме.

Кэмерон подходит к Доктору.

— А ты кто такой, парень? Откуда знаешь Антона?

— Ну... он Доктор, что-то типа гуру, — объясняю я, — в шестидесятых он был знаком с «Beatles», не так ли, Док?

Доктор бросает на меня быстрый взгляд.

— О, да, — говорит он. — У меня маленький книжный магазин и галерея в Лондоне. МакКартни обеспечил меня стартовым капиталом. Но я знаком со всеми ними. Дэйв Дэвис. Скотт Уолкер. Джимми Хендрикс. Сид Баррет. Вив Стэншелл...

— И что же привело тебя в Лос-Анджелес? — спрашивает Кэмерон.

— У него дом в Каньоне, — говорю я.

— Раньше он принадлежал Киту Ричардсу, — добавляет Доктор, — он постоянно одалживал мне ключи, а потом, однажды, несколько лет назад, сказал: «Док, ты проводишь здесь больше времени, чем я. Оставь их».

— В самом деле? — спрашивает Кэмерон.

— Да. Думаю, после того как умер Грэм, ему перестало нравиться это место.

Я замечаю, что Люси закатила глаза. Доктор тоже явно это заметил.

— Моя племянница тут с визитом, — многозначительно говорит он, — кстати, как давно ты владеешь этим домом?

— Ну, давненько... Возможно, с позапрошлого лета.

— И чем же ты занимаешься, что в свои годы можешь позволить себе такое?

— Хм, я агент, — говорит Кэмерон.

— Какого рода агент? — спрашивает Доктор.

— В основном, представляю актёров. У моего отца литературное агентство на восточном побережье.

— В Нью-Йорке? — спрашиваю я.

— Да.

— Здорово. В Беннингтоне я думал сделать писательство своей основной специализацией. В смысле, было бы неплохо иметь контакты, когда я выпущусь.

Кэмерон медленно улыбается и кивает.

— Конечно, приятель. Буду рад помочь.

Десять долгих минут спустя, мы едем прочь от дома. Люси сидит на пассажирском сиденье, Доктор сзади посередине, наклонившись вперед к нам. А я всё думаю о тех, фильмах, которые нам показывали на курсах вождения, где парень без ремня безопасности вылетает через лобовое стекло.

Доктор думает, что с Кэмероном что-то не так, и раз Доктор так думает, значит и Люси тоже. И я, на всякий случай, тоже.

— Откуда твои друзья его знают? — спрашивает Доктор.

Прежде чем ответить, я прошу Люси переключить радиостанцию.

— На самом деле, понятия не имею. Я уже говорил, я был в колледже.

— И ты никогда о нём не слышал, пока не вернулся домой?

— Я никогда не встречался с ним. Кажется... я помню, как кто-то упоминал его имя. Но его никогда не было поблизости.

Я смотрю на дорогу, но замечаю боковым зрением, что Доктор пристально смотрит на меня.

— Антон, если у тебя есть какие-то подозрения, поделись с нами.

— Между прочим, — говорит Люси, — мы просим об этом не потому, что любим слушать гадости о людях. Мы действительно можем помочь.

Она указывает на радио.

— Это REM? Они звучат иначе.

Мы останавливаемся на светофоре.

— Он всем нравится.

— А у тебя самого ни о чём нет своего мнения, — замечает Люси.

— Нет. В этом всё и дело. Я дома уже четыре дня. Его не было в городе. Я каждую ночь зависал с людьми, которые знают его. Никто ни разу не сказал о нём ничего

плохого. А с этими ребятами обычно половина бесед состоит из сплетен.

Может, просто стоит признаться? Может, я просто ревную. Он занял моё место. Кэмерон — это новый Антон. Модель этого года.

Цвет светофора меняется. Я еду дальше.

Пять часов вечера, мы с Люси в гостях у Донны, она с Блейком смотрит «Индиану Джонса в поисках утраченного ковчега» на видео. У нас есть задание от Доктора — аккуратно перевести разговор на обсуждение Кэмерона. Это не так уж сложно. Я уже много слышал о нём, поэтому Люси начинает беседу. Это похоже на обсуждение в литературном клубе или разговоры об огромном влиянии на мир «Rolling Stones» или что-то в этом роде.

Люси: Когда вы познакомились с Кэмероном?

Донна: Я слышала о нём несколько раз от...

Блейк: Гвен первая с ним познакомилась.

Д: Гвен бросила тебя ради него.

Б: Наши отношения с Гвен и без того зашли в тупик. Ничего не имею против него. Из них вышла чудесная пара.

Д: Он буквально вправил ей мозги. Помнишь, какой... неуверенной и холодной она была? Антон, помнишь?

Я: Конечно. С тех пор, как я вернулся из колледжа, она словно другой человек.

Д: Это всё он. Он исправил её. Я была так удивлена, когда впервые увидела их вместе. Мне показалось, она придумала его. Ты знаешь, как она это всегда делала. Я никогда не верила ни единому её слову. Если она говорит

«Доброе утро», я смотрю на часы, чтобы убедиться, что ещё утро.

Б: Сначала они выглядели вроде как странно, но теперь — нормально.

Д: В любом случае, он просто... воодушевляет всех вокруг. Каждого. Он всего на пару лет старше нас, но

(Пауза, во время которой на Инди нападает парень с мечом. Мы все смотрим, как он достает пистолет и стреляет в парня. Мы аплодируем.)

Б: Конечно, он просто... он умеет смотреть сквозь проблему. Ну, ты понимаешь. Ты просто приходишь к нему со своей проблемой, а он говорит: «Вот, что сделал бы я...»

Д: И он всегда прав.

Б: Да. Знаешь, что ему присуще? Ясность.

Д: Отличное слово.

Б: Спасибо. Я слышал его от Кэмерона.

Логично теперь поговорить с Гвен. К счастью, она смогла увидеться с нами, и Кэмерона там не было. Встреча состоялась в мексиканском ресторане под названием «Каса Люсила». Люси это понравилось, даже несмотря на то, что оно звучало не совсем правильно. Понравилось так сильно, что она заставила меня достать полароид и сфотографировать её на фоне вывески.

Гвен выглядит совсем не так как летом. Она моет волосы. Она сидит прямо. Она ест, чего не делала никогда раньше. Если бы вы встретились с ней в ресторане, она заказала бы гарнир, угостила бы им всех, а сама до конца вечера пила один стакан диетической колы.

Сегодня она выглядит живой. Она говорит о будущем — я имею в виду, о настоящем будущем — о том, что может случиться с ней в следующем году или через пару лет, а не о том научно фантастическом будущем, о котором она так любила рассуждать, о том, как бы она жила в сумеречной зоне. На самом деле она не начинает говорить о Кэмероне так быстро, как мы ожидали, вместо этого она засыпает Люси вопросами о ней самой. Среди прочего я узнаю, что Люси собиралась работать в полиции, но опыт работы её отпугнул. Незадолго до того, как начать путешествовать, она рассталась с парнем на несколько лет старше нее, когда поняла каким тяжелым случаем он был. Доктор приучил её к тому, что «и хороший сыр бывает с плесенью». Когда беседа плавно переключается на Кэмерона, выясняется, что он говорил Гвен больше интересоваться людьми. Что объясняет всю первую часть разговора.

— Он всегда видит, когда человек на самом деле чего-то стоит, — говорит Гвен. — Он видит потенциал. Я считаю, у него действительно талант проявлять что-нибудь в людях.

— В этом есть смысл, — отвечает Люси, — учитывая его профессию, это как раз то, что нужно.

— Да, так оно и есть. Но я постоянно задаюсь вопросом, как долго он ещё будет этим заниматься? У него, конечно, это отлично получается, но в тоже время он всегда смотрит вперед.

— Он собирается стать президентом? — шучу я.

Гвен пожимает плечами.

Позже ночью в «Трубадуре» я качаю головой в такт «Pump Me Up» в исполнении великого Мэлли Мэла, приглашённого из Нью-Йорка диджея, и Furious Five. Но я всё-таки вполуха слушаю Лайнуса, который рассказывает, как Кэмерон помог ему заполучить Порше 928, после того, как родители продали его прежнюю машину. По словам Лайнуса, им вовсе не были нужны деньги или что-то в этом роде, они просто хотели отомстить ему за то, что он бросил учёбу в Беркли. Он так долго жалуется на родителей и так подробно описывает каждую деталь его новой машины, что я чуть было не пропускаю кое что странное.

— ... и, ну, ты знаешь, парень умер, а машина досталась бы округу или что-то типа того. Должен же я это ценить, правда?

— В смысле «парень умер»?

— В смысле умер и все. Разве я не упоминал об этом?

— Но как он умер?

— Кэмерон убил его.

— Кэмерон убил его ради машины?

— Нет, нет, — смеётся Лайнус. — Машина была всего лишь бонусом. Кэмерон распоряжался его завещанием, так что никто ничего не заподозрил. Он умный.

— Кэмерон убил его?

— О, да. Ты разве не слышал об этом?

— Нет.

— О, прости, друг. Я и забыл, что ты не в курсе. Разве Гвен ничего не рассказывала?

— Нет.

— Так. Ну, это типа как высасывать из людей их сущность, если ты понимаешь, о чём я говорю. Не могу

поверить, что никто не говорил тебе об этом. Впервые он сделал это у Тамы, когда её родители уехали из города на Хэллоуин.

— Он убил кого-то прямо на ваших глазах?

— Да. В смысле, иначе я бы в это ни за что не поверил.

— И кого же он убил?

— Какого-то испанца, не волнуйся. Его никогда не поймают и мы в безопасности, ведь мы его друзья. Я говорил, что он поможет нам, когда станет более могущественным? Потому что именно это он и сделает. Это как перенос, или что-то типа того, — Лайнус осушает свой напиток. — Прости, чувак. Я думал, ты знаешь.

Я смотрю на свои часы. Не хочется выглядеть подозрительно, поэтому собираюсь подождать ещё минут пятнадцать и продолжить беседу о его машине, о новом альбоме «Replacements» и о девушке по которой он сходит с ума: её зовут Джейн, и она всё ещё ходит в школу. Потом я заберу Люси, которая беседует у бара с Тамой, и мы уйдём, чтобы спросить у Доктора, что он думает обо всём этом.

Мир меняется вокруг меня, а я задаюсь вопросом, почему всё кажется таким нормальным. Стоит подумать об этом. Но у меня нет времени.

— Я просто не могу поверить, что они все такие прямо пресыщенные насчет этого, — сказала Люси.

Мы в дешёвеньком отеле под названием «Хобарт Армс» в Санта-Монике, где Доктор снял комнаты. По радио играют «Echo and the Bunnymen». Доктор сидит, скрестив ноги, на кровати, теперь одетый в белую

рубашку и пиджак в стиле 1960-х, который он подобрал в экономичном магазине сегодня днём. Люси сидит в углублении подоконника. Я стою рядом с комодом и выгляжу немного смущённым, потому что мы говорим о моих друзьях, и я тоже не могу в это поверить, и я хочу, чтобы Люси и Доктор знали. Или я изменился, или мои друзья изменились, или... Как им может быть всё равно? Я продолжал думать: знает ли Джастин?

— Это возможно? То, что Лайнус мне сказал? — спрашиваю я. — В самом деле можно таким образом высосать сущность из кого-то?

— О, это определённо возможно, — отвечает Доктор, — Исчезновение моей подруги Элисон стало понятней.

Его лицо омрачается, и я вспоминаю, что он тут лично заинтересован.

Люси выглядит обеспокоенной:

— О, нет. Так она исчезла?

— Согласно департаменту полиции Малибу — да, — он щёлкает пальцами. — Хорошо. Первый вопрос: что такое Кэмерон?

— Что ты имеешь в виду под «что он такое»? — спрашиваю я.

— Это старый вопрос насчет «человек, или замаскированный под человека пришелец», так ведь? — интересуется Люси. — Где выгода, Доктор?

— Первым человеком, кто встретил его, была твоя подруга Гвен, да? — говорит Доктор.

Я киваю.

— И из того, что ты сказал мне, она была той еще фантазёркой.

— Та девушка, Донна, даже сначала считала, что Гвен придумала Кэмерона, чтобы бросить того другого парня, — замечает Люси.

— Давайте теперь я расскажу вам, чем сегодня занимался, — говорит Доктор, — Я заглянул в прошлое нашего друга Кэмерона, и...

— Дай догадаюсь — ты не смог найти ни одной записи о нём старше нескольких месяцев.

— Вообще-то, нашёл, но они все были фрагментарными и показались мне ненастоящими. Кроме того, я не смог отыскать ни одной записи об этом литературном агентстве, которым управляет его отец.

— Он мог это всё просто подстроить, — говорю я.

— Может быть. Но вспомни, его книги и подержанные пластинки. И он заявлял, что владеет пляжным домиком дольше, чем в действительности. Он пытается выглядеть так, как будто у него больше истории, чем есть на самом деле.

— Ты хочешь сказать, что Гвен каким-то образом создала его? — спрашивает Люси.

— Зачем бы ей это делать? — спрашиваю я.

— Наверное, по причине, о которой подумала твоя подруга Донна — социальное оправдание. Она, вероятно, не ожидала, что он станет реален. Но вообрази, она начинает говорить о нём, и в умах твоих друзей он становится реальной личностью. Если у Гвен есть проблемы с тем, чтобы отличать фантазии от реальности, то когда она в один прекрасный день наконец его встретила, она просто приспособилась. Она забыла, что придумала его.

— Так он появился из ниоткуда? — спрашиваю я.

— Не из ниоткуда, — говорит Доктор, — я узнал образ действий, особенно убийства. Я думаю, что он Концепция — абстрактное существо, которое болтается в трещинах между пластами реальности, в поисках возможности принять телесную форму. Эта двусмысленность среди твоих друзей создала возможность: в мире открылось место для кого-то, кто должен существовать, и он заполнил промежуток. Но он будет зависим от них до некоторой степени. Их представление о нём поддерживает его в стабильном состоянии, убийства дают энергию, — он ненадолго опирается головой о свою руку. — Я имею в виду, это же логично, разве нет?

Я гляжу на Люси.

— Просто скажи «да», — говорит она.

— Так что мы будем делать? — спрашиваю я.

На следующий день я звоню в пляжный домик. Кэмерон дома, и я спрашиваю, могу ли я позаимствовать некоторые его пластинки для рождественской вечеринки сегодня ночью. Он говорит что да, конечно, и я сообщаю, что Доктор собирается заскочить около четырёх, чтобы забрать их. Затем мы с Люси направляемся по магазинам, сейчас в Санта-Монике распродажи.

— Может, тебе не стоит этого делать? — начинаю я.

— Кто-то же должен, — говорит она, копаясь в дешёвых балахонах.

— Ага, — говорю я, — но я мог бы нанять актрису или вроде того.

— Сейчас канун Рождества.

— Работа есть работа. Мы можем кого-нибудь найти.

— И как мы объясним ей, что мы от неё хотим?

Я признаю, что это более чем непростая задача.

— Я это сделаю, — возражает Люси. — Всё в порядке.

— Ты можешь говорить с акцентом?

Она улыбается.

— Думаю, у меня получается всё лучше. Слушай, — она изображает иллинойский акцент, рассказывая о том, что смотрела по ТВ этой ночью.

— Хорошо, — говорю я, — Хотя, как по мне, звучит больше по-миннесотски.

— Я могу быть из Миннесоты?

— Думаю, да, если не спалишься.

— Проверь меня.

— Окей. Как тебя зовут?

— Дарлен Фишман, — говорит она с акцентом.

— Где ты живёшь?

— В доме моих родителей.

— Нет, я имею в виду, где он находится?

— А... Округ Джефферсон.

— Кто твой муж?

— Джим Фишман. Но он сменил имя. Теперь он называет себя «Кэмерон», — она произносит «Кэмерон» так, как будто это самое вычурное имя, какое можно вообразить. Мы разработали все это утром, я, Люси и Доктор, как упражнение на уроке — набросать персонажа и удостовериться, что ты знаешь все важные вещи о нём.

Она продолжает:

— Он бросил меня и нашу маленькую дочку, чтобы свести концы с концами, пришлось по ночам работать в «7-Eleven». Я больше никогда не увижу сериал «Даллас».

Она смотрит на меня и возвращается обратно к британскому акценту:

— Перестаралась?

— Да, нет, всё нормально. Где работал Кэмерон?

— Магазин запчастей, — говорит она в образе Дарлен, — Он мог продать что угодно кому угодно — просто говорил, что им это нужно, пока ему не начинали верить. Но он такой лжец. Никогда не верьте ни слову из того, что он говорит. Никогда, — снова своим нормальным голосом, — Я знаю о том, что он убивает людей?

— Да. Это убедит их, что ты хорошо его знаешь.

В пару к балахону, Люси подбирает безвкусные джинсы, слишком свободные — они её полнят, какие-то украшения, включая десятидолларовое обручальное кольцо, и кроссовки неизвестного производителя. Перед тем, как уйти из магазина, она надевает эти вещи. Мои друзья не заметят, что одежда новая, только то, что она дешёвая и безвкусная. Люси предлагает купить дешёвого мыла, умывается им, её кожа становится сухой, затем она намазывает этим свои волосы и оставляет их висеть, так что они выглядят немывтыми. Трансформация обходится мне в 47 долларов. После всего мы встречаем Доктора в ресторанном дворике. Он фотографирует Люси, а я отдаю ему совместные фото Кэмерона и Гвен, которые я стащил из дома Донны этим утром, пока Люси отвлекала её на кухне. Потом он съедает печенье и уходит.

Люси и я проводим час, продолжая дополнять образ Дарлен. Доктор возвращается с несколькими фотографиями, которые меня восхищают: я видел подделки и раньше, но никогда — такие хорошие. Он создал три реалистичных изображения Кэмерона с «Дарлен», изменил их одежду, так что она различалась на каждом фото, и откуда-то взял фон в виде маленькой

грязной жилой комнаты, бара и парка. На четвёртой фотографии «Дарлен» была с шестимесячным ребёнком.

— Они восхитительны, — говорю я ему, — Как ты их сделал?

Доктор улыбается мне и полностью игнорирует вопрос. Он отдаёт их Люси, вместе с постером «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», на котором лицо Кэмерона, но имя Джима Фишмана, и свидетельством о рождении их «дочери» (на случай, если это вызовет вопросы). Затем он смотрит на часы.

— Пора идти? — спрашивает Люси.

Доктор кивает.

Доктор отправляется к Кэмерону, Люси и я — к Джастин. Это должна быть Джастин, потому что все остальные уже встречали Люси раньше — потому что, я признаю, я избегал Джастин со встречи в пляжном домике три ночи назад. Люси и я сидим в машине. Никакой музыки, Люси пытается сосредоточиться. Она еще раз перечитывает свои заметки о «Дарлен».

— Я чувствую себя так, будто зубрю перед экзаменом, — говорит она.

— А ты хорошо сдаешь экзамены?

— Неплохо, вообще-то, — она засовывает записную книжку в отделение для перчаток и открывает дверь машины, — Пошли.

Мама Джастин встречает нас и, кажется, она рада меня видеть. Я думаю, она рассчитывает, что я уговорю её дочь не бросать колледж еще год. Но она точно понятия не имеет, при чём тут Люси. Джастин дома, и мы поднимаемся в её комнату. Станный взгляд, которым

одарила нас мама в сравнение не идёт с тем взглядом, которым смотрит на нас Джастин. Она удивлена моим появлением и встревожена появлением Люси. Я немного запинаюсь сам, потому что не привык к Джастин, перекрасившейся в блондинку. Я продолжаю возвращаться к старым воспоминаниям о ней. Я, кажется, никогда не смогу от их избавиться.

— Это Дарлен.

— А-ха, — говорит Люси с акцентом. Звучит хорошо. Джастин, вероятно, купится, не похоже чтобы она на самом деле знала кого-нибудь со Среднего Запада. Люси оглядывает Джастин с легкой презрительной усмешкой на лице.

— Как интересно, — говорит Джастин, — Так что конкретно привело тебя к... Антону?

— Ты знаешь парня, которого зовут, — ну, который сам себя называет, — Кэмерон? — спрашивает Люси, — Кэмерон Хэйес?

— Да, конечно. Мы все его знаем. Антон его знает, — она смотрит на меня за подтверждением.

С запозданием, я киваю.

— У меня есть история про него, — говорит она, — Я рассказала ему, теперь расскажу тебе. Он сказал, ты умная. Ты знаешь, что делать.

Отсюда и далее, я едва ли понимаю, что происходит. Я замечаю Люси, усевшуюся без приглашения, и последовавшую за ней Джастин, но остаюсь стоять. Я слышу, как Люси продолжает хорошо отрепетированный рассказ «правды» о Кэмероне. Я вижу, как она показывает Джастин фотографии, и свидетельство о рождении, и постер «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» и объясняет, как он собирается

выманить у неё и её друзей все деньги, какие только сможет. Я слышу, как Джастин говорит, что это нелепо и советует нам убираться. Я с трудом сбрасываю оцепенение и стараюсь убедить её выслушать «Дарлен». Я наблюдаю, как Джастин пытается позвонить Кэмерону в пляжный домик, но тот не отвечает. Я чувствую, что мы побеждаем. Я знаю, что Люси всё делает очень, очень хорошо. Я знаю, что у Джастина появились сомнения, и они быстро растут. Но все это время единственное, о чем я мог думать — должно быть, около часа — как я обычно себя чувствовал при взгляде на неё, и почему я больше ничего подобного не чувствую.

Мы с Люси направляемся обратно в Малибу — Люси умоляет меня о пяти минутах на то, чтобы переодеться и сменить макияж, что она и делает в комнате отдыха в универмаге. На часах почти шесть, мы звоним в дверь. Кэмерон всё ещё там, с ним, как и с Доктором, кажется, все в порядке. Я удивлен, что Доктор продолжал с ним говорить всё это время. Но Кэмерон его не убил, так что всё идет по плану. Кэмерон предлагает нам с Люси пива, мы принимаем предложение. Доктор кидает на Люси неодобрительный взгляд, на что Люси отвечает:

— Ох, перестань.

Когда Кэмерон возвращается, и мы садимся, Доктор говорит:

— Итак... на чем я остановился?

— Ты отправился повидаться с Сидом... — напоминает Кэмерон.

— Да, — продолжает Доктор, — я спросил его, что это вообще было, почему его выперли из группы, и он сказал:

«О чём ты говоришь, Док?» и предложил мне печенья. Я показал ему последний «Мелоди Мэйкер». Он выглядел удивленным, но сказал, что это ничего не значит. Конечно, я сразу отправился к Роджеру и спросил, что он задумал? Он объяснил, что Сиду уже все высказали. Там, конечно, все были жутко расстроены, но Сид, он просто не мог это принять.

Я вспоминаю, как представил Доктора Кэмерону вчера: он уцепился за это, и продолжал в том же духе. Он разыгрывал скучающего стареющего неформала, рассказывая бесконечные байки, бросая имя за именем. Кэмерон, кажется, полностью увлёкся, вероятно, думая, что Доктор — его путь в ещё более высокие круги. Незаметно, что наши с Люси действия возымели хоть какой-то эффект. И это уже начинает меня беспокоить. Мы должны продолжать держать Кэмерона подальше от других, пока слух не распространится. Если верить Доктору, это не займёт много времени. Нужно только подогреть сомнения. Но если кто-то расскажет Кэмерону, тот переубедит их — поэтому мы должны держать его здесь.

Даже с учётом великолепной игры Доктора, любой перерыв в беседе заставляет меня нервничать, и чтобы заполнить молчание я ставлю пластинку. Я выбираю «All Over The Place» группы «The Bangles», но так нервничаю, что по ошибке ставлю её второй стороной. Остаётся только притвориться, что так и было задумано.

Беседа продолжается. Доктор заявляет, что он предлагал Лидс в качестве места для записи концертного альбома «The Who» в 1970-м и рекомендовал Дэвиду Геффену подписать контракт с Джексоном Брауном. Я

переворачиваю пластинку в тот самый момент, когда Доктор заявляет, что играл на тамбурине в CSN «Crosby, Stills & Nash», а Кэмерон внезапно меняется в лице.

Доктор смотрит на меня, а потом снова на Кэмерона.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он.

Кэмерон качает головой:

— Извините, — и начинает подниматься на ноги. Но Доктор успевает встать быстрее и без всякой агрессии толкает его назад на стул.

— Я бы предпочел, чтоб ты оставался на месте, — говорит Доктор.

Доктор рассказал нам, что это произойдёт. Мир должен самоорганизоваться. Джастин скажет Гвен. Та обязательно расскажет Донне, и Блейк наверняка будет там. Если так, то он, скорее всего, расскажет Лайнусу. Телефонные звонки туда-сюда. Внезапно, все они осознают, как мало на самом деле они знают об этом парне. Что если у него на самом деле есть провинциальная жена и ребенок? Что если он подделка? Что если он совсем не тот, с кем им хочется быть знакомыми?

Кэмерон пытается сфокусировать взгляд.

— Что ты делаешь?

— Останавливаю тебя, — Доктор поворачивается ко мне. — Люси, верёвку.

Люси встает, подходит к Кэмерону и достает верёвку из кармана, а я и не подозревал, что она у неё есть. Она начинает связывать руки Кэмерона. Но он не так слаб, как мы думали — он толкает Люси в грудь, она падает на ёлку, царапаясь, пытается ухватиться за ветки. Тогда Кэмерон прыгает на Доктора и сбивает его на пол. Он прижимает Доктора коленом и локтем и тянется к его

горлу. Его пальцы издают шипящий как от раскаленного предмета звук при контакте. Только в этот момент, я вдруг осознаю, что просто стою и смотрю на них, всё ещё придерживая иглу проигрывателя. Я бросаюсь на Кэмерона, отрываю его от Доктора и толкаю через дверь на пляж. Он пытается подняться, я бросаюсь к нему, чтобы продолжить драку, но осознаю, что на самом деле не знаю, как это делается.

К счастью, Люси поднимается первой и ударяет его в живот, так что он сгибается пополам. И тут я замечаю, с радостью, что игла проигрывателя упала на пластинку, и звучит музыка.

— Верёвку, — поднимаясь, говорит Доктор слегка хриплым голосом. Люси поднимает верёвку и набрасывает её на Кэмерона. Но теперь он слишком слаб, чтобы сопротивляться, и мы легко связываем его руки и ноги.

Я ожидаю, что Кэмерон скажет что-нибудь, будет защищаться. Но он этого не делает. Вместо этого Люси, Доктор и я садимся обратно и «The Bangles» продолжают играть, пока Кэмерон хрипит, кашляет и медленно растворяется.

Доктор остается в домике, чтобы «рассеять энергию». Я не имею понятия, как он собирается это сделать, но он говорит, что это займет пару часов, а мы с Люси направляемся в парк в Догтаун чтобы убить время. Я нахожу телефон-автомат и звоню Джастин.

— О, — говорит она, — это ты.

— Ага, — отвечаю я.

— Чего ты хочешь?

— Я просто размышлял... о том, что было раньше, знаешь.

— О. Ага. Ну, я говорила с Гвен и парой других людей. И мы не хотим сказать, что обязательно верим в то, что эта негодяйка рассказывала о нём, но...

— ... ты не уверена?

Пауза.

— Нет. Я имею в виду, мы хотим услышать, что Кэмерон скажет. Я собираюсь дать ему шанс, но, думаю, мы много чего знаем только с его слов. Мы пытались позвонить в домик, но ответа не было.

Это потому что Доктор выдернул телефон из розетки несколько часов назад, но я об этом не сказал.

— Если он знал, что Дарлен его выслеживала, он мог уже сбежать.

— Если это правда, — сказала она.

Я вздохнул:

— Ты знаешь, что он убивал людей. Но внезапно ты не хочешь его знать, потому что он врал о том, откуда он?

— Он был честен насчет того, что сделал. Он... рассказал нам всё, чтобы у нас с ним не было секретов.

— Но не мне.

— Да... Я знаю, тебя не было поблизости, но я не хотела позволить ему навредить тебе. Он был — ну, я думаю, он был хорошим в своем роде. Он собирался нам всем помочь.

— В мире есть еще люди кроме нас, — сказал я. — Извини... Я должен встретиться с другом.

Я нахожу Люси в маленькой толпе, наблюдающей, как два парня, одетых Санта-Клаусами, катаются на скейте. У

кого-то большой стереомагнитофон проигрывает «A Flock of Seagulls». Один из скейтеров пытается закончить трюк «фифти-фифти грайнд», перевернув доску пяткой, но манжета его белых меховых штанов цепляется за нос доски и он жёстко приземляется, разбив колено до крови. Некоторые люди восторженно кричат, в том числе и Люси. Потом она оборачивается, видит меня и улыбается.

— Как прошло? — спрашивает она.

— Они всё ещё говорят о нём, — сказал я, — Я не сказал им, что его больше нет.

— Я не это имела в виду. Я имела в виду тебя и её. Она явно твоя девушка. Или бывшая.

— О. Ага. Ну, это так или иначе подразумевалось с тех пор как я отправился в колледж.

— А теперь?

— Теперь уже нет.

Люси кивает.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Я собираюсь отправиться на рождественскую вечеринку, но, может, останусь дома со своими. Ты... не хочешь зайти?

Люси оглядывается через плечо.

— Я думаю, нам с Доктором пора. Всегда есть, чем заняться. В любом случае, в чужой семье Рождество всегда немного странное.

Я киваю.

— Точно, — говорю я, — мы увидимся снова?

Люси пожимает плечами и улыбается

— Может, мы когда-нибудь вернёмся. Я не знаю.

Я кое-что вспоминаю, лезу в карман и нахожу её фото возле вывески «Каса Люсили».

— Ты хотела забрать, — напоминаю я.

Она смотрит на фото и говорит:

— Оставь себе, — и это то, что я хотел от неё услышать.

Она наклоняется, целует меня в щёку, и потом исчезает из моего поля зрения. Пока она уходит, я смотрю на фотографию, а не на неё.

Скорбь Вены

*Стивен Сэвил,
перевод Mary SmithZ*

Приключение Восьмого Доктора

Доктор изучал мир, отражённый в глазу мёртвого карпа. Даже искажённый таким необычным фильтром, он представлял собой чудесное зрелище. Но в эту человеческую эпоху чудесным и великолепным было всё. Жестокость Средневековья и тёмных веков уступили стремлению к красоте. Это была одна из причин, по которой Доктор наслаждался короткой остановкой в Эпохе Возрождения.

— О, Вена! — вздохнул Доктор, и его вздох потонул в пьянящем аромате рыбного рынка.

Его никогда не прекращало удивлять то, как простые вещи служили напоминанием о том, что он живой — и как он нуждался в этих напоминаниях.

Мёртвая рыба лениво крутилась на крюке, который он держал на весу.

Доктор дивился совершенству каждого аспекта жизни Вены, повторяющихся словно на плавных весах — в каждом из них к небу возносились высокие мысли. Небо было ещё ясным, но грозовые облака уже собирались над открытыми прилавками, затемняя осколки льда с кусками

трески, икры, окуня и карпа, пятнистых угрей, рыбы-меча, и, лежащей поперёк, радужной форели. Это было изображением самой жизни, такой близкой к миру, каким его видел сам Доктор, со всеми едва заметными разнообразными возможностями, отражёнными через искажённый глаз мёртвой рыбы на неточных весах.

Доктор похлопал по карманам в поисках монет, нащупал знакомые успокаивающие очертания своей звуковой отвёртки, и какой-то очередной безделушки — чего-то вроде голографического видеоскопа — подозрительной трубы, с помощью которой можно было мельком увидеть прошлое и будущее. Труба была сделана для забавы, на скорую руку, и Доктор пользовался ею как калейдоскопом. Было что-то успокаивающее в этих быстро меняющихся частицах света.

Жизнь бежала по кругу, он знал это лучше, чем кто-либо. Однажды ты оказываешься на вершине мира, а затем эта вершина обрушивается и погребает тебя под собой. В другой день ты окружён друзьями, людьми, которые стоят стеной друг за друга; на следующий день они ослеплены, одиноки, и стены остались позади. Неважно как долго он путешествовал, Доктор всегда вёл борьбу со своеобразной меланхолией, когда бродил по мирам в одиночестве. Жизнь просто была лучше с друзьями. И они, в конце концов, невесело усмехнулся он, не принесли утешения от одиночества. Дружба представляла собой броню против изоляции и боли, которую нёс весь мир, расколовшись, та же дружба перековывалась в меч, стремящийся поразить тебя насмерть тысячей ударов.

— Что-то ты приуныл, старина, — упрекнул себя Доктор.

Когда он повернулся, то почувствовал, как что-то задело его, и недоумённо посмотрев вниз, увидел, как чёрный пудель пробежал прямо у него под ногами. Пёс бежал, сжимая в зубах связку баварских сосисок. Неподалёку покрасневшийся щёголь с приплюснутым носом, на глазах у любопытных посетителей, хрюкая и рассыпаясь в проклятиях, тянул сосиски к себе. Его лицо исказилось от гнева, когда он схватил за плечо рядом стоящую женщину, и прокричал ей в лицо:

— Иди к чёрту, ведьма, и свою проклятую псину заberi с собой!

Мужчина рванул преследовать чёрную собаку, которая уже исчезла среди прилавков.

«А вот кое-что, что не каждый день увидишь!» — подумал Доктор, откладывая рыбу в сторону. Женщина, прелестное создание в кружевах и дешёвых украшениях, заметила, что он смотрит на неё, застенчиво улыбнулась, несколько не смущённая безумной бранью внезапно убежавшего молодчика. На мгновение она показалась Доктору волнующе знакомой, призраком, который память нарисовала на симпатичном розовощёком личике. Двух ударов сердца хватило Доктору, чтобы осознать это сходство и сложить его в имя: Чарли Поллард. Только это была не она. Сходство было в лучшем случае мимолётным. Когда девушка, которая не была Чарли, отвернулась, Доктор остался наедине с ещё более обострившимся чувством потери.

— Можно подумать, даже спустя столько времени, я бы смог забыть, как она выглядит, даже принимая во

внимание, какое количество ауэрбахского эля я употребил именно с этой целью... — сказал торговец рыбой с безжизненной улыбкой.

Он смотрел через плечо Доктора на девушку, не-Чарли, очевидно, узнавая в её милом личике кого-то ещё, в то время как он потрошил карпа. Продавец обрезал рыбе голову и хвост, прежде чем положить её в смазанный жиром пакет.

— Вместо этого, — продолжал он, — я вижу её повсюду, куда иду, как будто это она ищет меня. Я не то, чтобы верю во всю эту чепуху со спиритизмом, но ты знаешь, это заставляет задуматься... Может быть, настоящая любовь действительно длится вечно? Или это только то, о чём пишут поэты?

— Любовь в городе призраков... — произнёс Доктор.

В каком-то смысле это было тяжелее, из-за попытки справиться с чувством вины. Оно превратило его друзей в метафорических призраков; призраков, с мечами в руках, которые ранее служили ему бронёй. Он снова обернулся и посмотрел на девушку. Его испытывающий взгляд встретился с её собственным любопытным, её глаза рассматривали его вельветовый пиджак, серебряную булавку на галстуке, двинулись дальше, затем вернулись к его лицу и вьющимся тёмным волосам. Её улыбка была почти кокетливой, понимающей, обещающей. Его это не тронуло, не так, как ей бы хотелось. Было что-то в её глазах — они были холодными как глаза рыбы, переливчатые, блестящие как зеркало, отражающие жизнь снаружи, без малейшего намёка на присутствие самой девушки в ней.

Доктор слегка поклонился, отвечая ей кривой усмешкой, и забрал аккуратно упакованную рыбу в обмен на мятый шиллинг, вспоминая старую пословицу о том, что глаза — зеркало души. Как и в большинстве старинных мудростей, в пословице было зерно истины; она не означала, что глаза должны быть дверью в человеческую душу, но, так или иначе, могли показать её отсутствие. Глаза девушки были замёрзшими, почти похожими на зеркало, как если бы душа уже покинула тело.

Он проводил девушку глазами до тех пор, пока не потерял её, как будто она слилась с толпой на рынке, не приметно мелькнув среди моря людских плеч и голов, проносящихся над прилавками. А затем, она исчезла, словно воспоминание.

Доктор покинул приют крыши рынка, и почти споткнулся о чёрную собаку, удиравшую по одной из узких мощёных улиц, втиснутых между белоснежными стенами гудящего здания рынка. Связка сосисок тащилась по полу, когда собака бежала, становясь всё грязнее с каждым ударом о мостовую. Доктор увернулся, посмеиваясь абсурдности этой сцены, когда мимо него пронёсся рассерженный молодой человек, выражение мрачной решимости искажало его лицо. Бормоча что-то про себя, он бесцеремонно столкнулся с Доктором посреди мостовой.

Извинений не последовало; как только поднялся, мужчина перешёл с шага на бег, крича что-то вслед собаке.

Покачав головой, Доктор осторожно поднялся на ноги и отряхнул пыль с полов пальто. Рыба приземлилась футах

в десяти, пакет разорвался при падении. Карп валялся на грязной мостовой.

— Что ж, это было... *грубо*, — проворчал Доктор, поправляя галстук.

Дьявольская собака и девушка с бесцветными глазами... что-то явно было не так в Веймаре.

Забыв о рыбе, Доктор поспешил по узкой аллее за молодым человеком.

Доктор последовал за ним словно в весёлом танце, сквозь масонские чудеса Вены, с тёмных аллей на широкие бульвары, под раскидистые деревья, соседствующие с курящими дымовыми трубами, между железными оградами и прекрасными экипажами, за фасадами респектабельности, в которые были облачены дворец Габсбургов, Хофбург и Опера, врезанные в стены внутреннего города. Всё это выглядело таким непоколебимым. Ничто в жизни не было столь хрупким, как эта иллюзия, Доктор знал это. Пока он бежал вдоль линии стены, в тени огромного Стефанского собора, всё, что ему нужно было сделать — просто закрыть глаза, и вся постоянность исчезала, стены осыпались, как и Рингштрассе, со своими трамваями и конными экипажами, и на их месте вырастал стройный стиль барокко и романская архитектура старого города. Старая и новая Вена сосуществовали в его разуме. Он почти мог дотянуться и дотронуться до будущего.

Дважды показалось, что молодой человек загнал собаку в угол, только чёрный пудель сумел увернуться и стремглав убежать, всё дальше, вон из внутреннего города, в захудалый район за стеной. Воздух перебивался там столь многими запахами, что было сложно отделить

один от другого: гниющие фрукты, капустные кочаны, втоптаные в испражнения животных, делали это место просто отвратительным. Там было шумно, но не так, как во внутреннем городе. Шум был немного иным, чем просто возня и суета бедного люда, еле влачащего своё существование. Здесь было тихо, и это было интересно. Эти звуки означали стеснённость и перегруженность улиц с их прачечными в подвалах, и запахами похоти и нужды, горечи, зависти, и одно, более заношенное, чем все другие — надежда. Молчание наполняло пространство между живыми. Это было молчание, с каким обычные люди в Вене медленно умирали, незамеченные никем, с единственным ударом сердца. И в этой тишине собака решила спрятаться, исчезая между коваными воротами в виде крыльев ангела смерти.

Молодой человек замешкался, остановившись между воротами.

Он бросил испуганный взгляд через плечо, и увидел Доктора, стоящего неподалёку. Мужчина медленно отошёл и встал между воротами.

— Я не могу так больше жить, приятель! Посмотри на меня — застрял ни туда, ни сюда! Я не могу выжить в мире безумия, разрываясь между призраком потерянной возлюбленной и горьким раскаянием от того, что жизнь продолжается! Я вижу её везде — и её проклятую собаку! Нет, если этот мир безумен... — голос молодого человека стал решительнее, возрастая, подобно ветру, — тогда я стану призраком, каким должен был стать!

— Постой!

Но молодой человек уже убежал между воротами, вперёд, вдоль иссечённых трещинами с выветрившимися

надписями рядом могильных плит крестьянского кладбища. Это было одно из тайных мест города, скрытое от приличного общества. Все камни были пусты, мёртвые безымянны в своей иной жизни, такова была цена бедности. Доктор вздрогнул от холода, проходя сквозь ворота. Кладбище поросло дикими растениями, за которыми было некому присматривать. Оно было маленьким: пятнадцать рядов надгробий прижимались друг к другу на крошечном квадрате земли между возвышающимися домами, холодными и серыми, поскольку солнечные лучи не могли пройти сквозь тени и осветить землю.

— Подожди! — окрикнул Доктор снова, но молодой человек уходил качающейся пьяной походкой сквозь ряды сломанных надгробий, за чёрным псом. На земле перед первым рядом могил, валялась связка сосисок, покрытая грязью и слюной. Доктор подобрал их. Несмотря на следы собачьих зубов, они неплохо сохранились.

На полпути молодой человек вдруг обернулся и уставился на Доктора.

— Ты ещё один? Другой призрак? Или ты тот самый проклятый пёс, по велению Мефистофеля принявший другую форму? Зачем ты охотишься за мной? Что я сделал? Скажи мне, дух тьмы! Я заслуживаю знать это!

— Что? Ах, это! — Доктор поднял вверх подпорченные сосиски. — Нет, я просто подумал, что ты, возможно, захочешь их вернуть. Немного пожёванные, извини.

— Ложь! Ты принимаешь меня за безмозглого простака? Я знаю что я видел... так вот почему тебя называют Принцем Лжи. Уверен, ты пытаешься свести

меня с ума и привести прямо в лапы смерти! Даже школяр распознает твои уловки, демон!

— О чём ты говоришь?

— Заклинаю тебя, демон! Оставь меня в покое!

— Я не демон, — запротестовал Доктор, но мужчина отвернулся и, спотыкаясь, побежал через кладбище. У Доктора не было другого выбора, кроме как последовать за ним. Лишайник и другие хладнокровные сорняки, и ползучие растения оккупировали кладбище, возвращая его к природе, смешивая с землёй. Молодой человек протиснулся сквозь поросль, бросив раздражительный взгляд через плечо, как будто сам дьявол действительно стоял за ним.

А затем он исчез.

Это произошло внезапно — в одно мгновение он стоял на месте, в следующее его уже не было.

— Всё чудесатее и чудесатее... — пробормотал Доктор, двигаясь дальше более осторожно, неуверенный в том, что случилось с молодым человеком. Он отодвинул ветви плакучей ивы, и нашёл довольно прозаичный ответ — маленькая лестница, врезанная в стену одного из домов, и вела на крышу. Доктору хватило пары секунд, чтобы подняться, и он сделал это вовремя.

Мужчина стоял на краю у водостока, глядя вниз на ленту улицы.

— О, приятель, на самом деле ты не хочешь делать этого. Это довольно неприятная смерть. К тому же, если ты сделаешь это, собаке достанутся сосиски, — неудачно попытался пошутить Доктор.

— Какое это имеет значение? Никакого, мёртвые остаются мёртвыми.

Доктор осторожно перелез через конёк крыши, радуясь, что не было дождя. Но даже без этого, угол, к которому крепился водосток, и покрывающая крышу черепица, были весьма неустойчивыми.

— Должно быть, ты довольно много знаешь о смерти в Вене, — сказал Доктор.

— Сколько я живу, столько они не оставят меня в покое. Они преследуют меня на каждом шагу.

Чёрный пудель залаял на улице внизу, цокая когтями по мостовой. Доктор посмотрел в ту сторону, в которую лаяла собака.

— О, милая Шарлотта... — пробормотал мужчина, все ноты гнева исчезли из его голоса. Его дыхание сбилось. — Почему мёртвые не могут оставаться мёртвыми?

Доктор наблюдал как сереброглазая женщина медленно шла по направлению к собаке. Та низко зарычала, но не сбежала.

— Боюсь, мои старые глаза уже не те, что прежде, — сказал Доктор. — Скажи мне, что ты видишь там, внизу.

— Любовь всей моей жизни, — ответил юноша решительно. — И эту проклятую собаку.

— Ясно, но это ведь хорошо, не так ли? Кроме собаки, разумеется.

— Вряд ли. Она скончалась от чахотки месяц назад, и с тех пор преследует меня каждый день.

— Опиши её мне, — настаивал Доктор.

— Ты прекрасно видишь её сам. Она идёт здесь, подняв голову вверх. Любовь всей моей жизни, моя величайшая печаль.

— Да вы смеётесь надо мной, — проговорил Доктор, разглядев внизу знакомые черты Керизза, который

прошёл через ворота в виде павшего ангела на кладбище, и сомневаясь, что этот милый молодой человек, стоявший рядом с ним был влюблён в его бывшего спутника. Глубокая боль захлестнула его при виде странного совмещения в Кериззе простоты и узнавания, хотя, как он понял — он уже встречал серебряные глаза памяти, и тогда, когда чары спали — это больно ранило.

— Опиши её мне.

— Что тут сказать? Она прекрасна как всегда, хотя сейчас она заплела волосы в косы, а раньше они вились свободно. Ей всегда больше шли локоны. Теперь длинные косы делают её черты резкими, скулы выступают, её губы алее прежнего. Её лицо всегда было покрасневшимся от болезни, от мучавшей её чахотки, и глаза... её глаза теперь изменились. Та теплота и привязанность, которой она одаривала меня, теперь их нет в её мёртвых глазах.

— Во что она сейчас одета?

— В своё цветное платье с тяжёлой юбкой цвета слоновой кости. То платье, в котором её похоронили.

— В самом деле... И она преследует тебя с дня своей смерти?

— Так и есть... — признал молодой человек, не в силах оторвать взгляд от женщины, которая направлялась к скрытой лестнице.

— Потрясающе, конечно, но крайне нелепо, ты не находишь?

— Я верю тому, что вижу, сэр.

— Действительно, — согласился Доктор, роясь в глубоких карманах своего пальто. — Своим глазам нужно доверять... а, вот он где!

Доктор держал в руке латунную трубку калейдоскопа. Одним щелчком он вытянул объектив, и поднёс его к левому глазу. Фильтры света отрегулировались, и узоры под его взглядом изменялись, когда Доктор поворачивал их в видимом спектре, разделяющий свет на составные части пока красный, зелёный и голубой не расщепились, и теперь то, что несло на себе личину Керизза и Чарли, было лишено притворства и стало явным. Через каждый поворот фильтра, существо примеряло новое лицо, одно перетекало в другое, меняя пол и возраст, но каждое из них навязчиво знакомое Доктору; лицо кого-то, кого — по его мнению — Доктор подвёл. Он распознал боль предательства в мёртвых серебряных глазах, которые посмотрели на него через линзу калейдоскопа.

Каким-то образом, существо на кладбище было привлечено признанием вины и несчастья из его разума, и представляло ему знакомые лица снова — нет, не только вызывая вину и печаль, но и как-то поглощая болезненные эмоции. Существо питается скорбью, понял Доктор инстинктивно, но это не меняло того, что тоска разрывала ему сердце, что Доктор чувствовал вдвойне острее любого смертного.

Он протянул калейдоскоп молодому человеку рядом.

— Взгляни на неё теперь и скажи что ты видишь.

Мужчина поднёс калейдоскоп к глазу, но затем резко отбросил его. Труба со стуком упала на черепицу.

— Что это за колдовство? — простонал он, пока латунная трубка скатывалась как по лестнице с крыши на карниз. Доктор успел наклониться и подхватить трубу, прежде чем она упала с края, и запихнул её обратно в свои глубокие карманы. — Убирайся, демон!

— Неужели всё с начала? Свидетельства твоих глаз, и что же? Скажи мне, что ты видел! — настаивал Доктор.

— Твоя трубка лжёт глазам.

— Я думал, мы уже выяснили, что тебя преследуют? Разве не это ты сказал мне всего пару минут назад? Так что, я спрошу снова: что ты видел? Опиши мне своего так называемого призрака.

Мужчина огляделся, посмотрел вниз, на женщину, на собаку, на ряды покрытых трещинами могильных камней.

— Я не знаю, что я видел. Мой разум говорит, что я видел то, чего не может быть, лицо чудовища под маской моей возлюбленной. Было ли это разложение, съедающее её плоть? Если твоя трубка показала мне смерть, пожалуй, жизнь не такая уж плохая штука.

Он отступил от края, подчеркивая свою новообретённую волю к жизни.

— Это первая сказанная тобой вещь, с которой я не собираюсь спорить.

Внизу резким и дребезжащим лаем снова отозвалась собака. Не раздумывая, Доктор бросил связку сосисок с крыши, что привело собаку в неистовство.

— Есть здесь другой путь вниз? Я не горю желанием связываться с... не особенно уверен с чем именно, но, тем не менее, мне не улыбается перспектива с этим связываться, если вы понимаете о чём я.

— Через крыши, — сказал мужчина, указывая в сторону внутреннего города. Доктор посмотрел в направлении, которое он указывал, и увидел, — всего в нескольких небольших прыжках через наклонные крыши — лежал путь назад, к стене.

— Так чего же мы ждём? Вперёд! — Доктор засунул руки в карманы и зашагал прочь, чуть ли ни бегом, через угловатую черепицу. Молодой человек поспешил за ним. Три раза Доктор оглядывался через плечо, чтобы убедиться, что сереброглазое существо не преследовало их. И только дважды крыша была пуста.

Сверху Вена была совсем не той, что внизу — особенно в богатых кварталах. Там, где внизу всё было прикрыто фасадом респектабельности, наверху лежало обнажённым, со стёкшими красками. Всё было забрызгано грязью из-за скворцов, голубей и других птиц. Медные зелёные крыши с прожилками коррозии и белыми — навоза. Сажа и дым пачкали изысканный фасад зданий. Даже горгульи носили на себе следы загрязнений. Доктор вёл молодого человека с крыши на крышу, продвигаясь к стене с мрачной решимостью. Они миновали несколько узких лестниц, сокращая путь по стороне прилегающих домов.

— Кто вы? — спросил, наконец, мужчина, остановившись и согнувшись, пытаясь восстановить дыхание.

— Доктор.

Молодой человек взглянул на улыбающееся лицо Доктора и его протянутую руку. Но не принял её. Вместо этого он приподнял брови, словно насмехаясь.

— Этот город полон знахарей и шарлатанов, претендующих на звания факиров и мистиков и целителей всех цветов и мастей. Доверчивые люди падают к их ногам. Что же характеризует тебя как Доктора, с большой буквы, чем отличает от простого врача? Прямо как моё притязание быть великим поэтом; это место

кишит всякими разными писателями. Претензия на то, чтобы быть великим поэтом выглядит здесь самонадеянно.

— Но, может быть, кто-то здесь действительно является великим поэтом, ведь это возможно?

— Нет. Всё это субъективно, Доктор. То, что радует один глаз, другой раздражает, звуки, приятные одному слуху, другой не выносит. Всё это искусство — выставление себя на посмешище, и быть напыщенным здесь достаточно для того, чтобы поверить, что у тебя есть что сказать, и это стоит того, чтобы быть услышанным.

— Я думаю, ты нравишься мне, поэт.

— Поэт — если талант определяет кем мы являемся. Или Иоганн Вольфганг Гёте, если нет. — Поэт протянул Доктору руку и удостоил его кратким рукопожатием.

— Чёрная собака! Я должен был догадаться!

— Что?

— Ничего, ничего, я забегаю вперёд. Профессиональный риск.

— Риск врача? Я сильно сомневаюсь...

— О, и ты оказываешь себе медвежью услугу, мой дорогой друг, ты думаешь правильно! «Страдания юного Вертера»! Потрясающая работа! Очень близка к гениальной!

— А теперь вы льстите мне? Вы презабавный тип, Доктор.

— Обо мне отзывались и хуже.

— Что ж, слова давно покинули меня. И муза давно не была ко мне благосклонна.

— Что там, со всеми призраками, я уверен, у тебя в голове ещё полно идей... не бойся, слова вернутся.

— Возможно, если я заключу сделку с дьяволом.

Доктор усмехнулся.

— Кто знает, что ждёт в будущем? Главное, помни — ты проиграешь только если перестанешь стремиться к цели. Это очень важный урок, он может послужить тебе, когда придёт время. Скажи мне, когда ты в первый раз заметил, что Шарлотта вернулась?

— Было поздно, я знакомился с очередной попыткой пьяного забытья в Ауэрбахской таверне. Куда ещё человек пойдёт утопить свои печали, Доктор? Не может быть лучшей причины для выпивки. После того, как она покинула меня, я проводил в этой таверне ночь за ночью, напиваясь до бесчувствия, погрязнув в жалости к себе, мои руки обхватывали кружку тёмного...

— Тёмного?

— Особый эль герра Ауэрбаха. Он варит его прямо в доме. Он называет его «Скорбь Вены», в честь одной из моих старых пьес, все остальные зовут его «тёмным», потому что мы пьём его, когда в нашей жизни совсем нет просвета.

— Я уверен, так и есть... — размышлял вслух Доктор.
— Неужели лучшее название для напитка? Люди стремятся напиться до забвения, так почему бы не предпочесть название со смыслом «побег»? Скорбь целого города... Не знаю насчёт тебя, дружище, но со всей этой беготнёй я заработал сильную жажду. Я думаю, нам стоит нанести герру Ауэрбаху визит.

— Не понимаю, чего мы добьёмся, если отправимся пить прямо сейчас, — сказал поэт.

— Ты недооцениваешь силу опьянения, поэт! Многие великие писатели прожили или проживут свою жизнь через призму гранёного стакана, но при этом создадут

шедевры! Кроме того, даже не смотря на то, что я сказал, подумай — какие доказательства у нас ещё есть?

Ответ был ясен, разумеется. Калейдоскоп сорвал иллюзию на тот срок, которого Доктору хватило, чтобы понять, что Шарлотта не была призраком, как не была она Чарли или Кериззом, или другой его далёкой печалью. Но была и целая уйма предположений того, кем она может быть на самом деле: пришельцем или чем-то потусторонним. Любая загадка должна иметь обоснование, и конкретно в этом случае Доктор был почти уверен, что «Скорбь Вены» лежало близко к нему. Основной инстинкт хорошо послужил поэту — в отчаянии он пытался утопить свою скорбь в вине. Доктор вспомнил, как сокрушался торговец рыбой, и множество странных мимолётных комментариев, которых он слышал более чем достаточно, о Ауэрбахском эле, который может заставить забыть. Доктор улыбнулся сам себе.

Если один человек говорил, что видел призрака после того как выпил тёмного, это было бы совпадением, но если два — это уже стоило расследовать.

— Веди меня, приятель, — сказал Доктор, с лёгкой улыбкой. Поэт провёл его по краю крыши и вдоль жёлобов, пока они не обнаружили узкую лестницу, ведущую вниз. — Все крыши соединены подобным образом?

— Многие, но не все. Это сделано из-за страха перед властями. С этой стороны каждая стена дома каждой улицы соединена со следующей, здесь нет естественных разрывов, так что если начнётся пожар, он в считанные часы разрастётся, неся с собой пепел и смерть.

— Не стоит об этом думать, — сказал Доктор, делая последний шаг вниз по лестнице, и припоминая жар Паддингтон Лэйн. Булыжники были скользкими от того, что их подмели мокрой щёткой. Листья капусты и морковь гнили напротив другой стены дома. Резкий запах накатывал на улице волнами.

— Так где этот дом возлияния?

Гёте повернулся, осматриваясь. Он задумчиво почесал свой выпуклый нос, а затем указал вперёд, на узкую улицу, что вела к стене и тени собора Святого Стефана над ним.

— Прекрасно.

Ауэрбахская таверна была невзрачной распивочной, расположенной у самой стены рядом с парой ломбардов и моельных домов, которыми было полно всё пространство вокруг стены. В самом деле, не было ничего особенного в этом месте, расположенном отдельно от нескольких из множества лачуг, которые они прошли, с чёрной железной вывеской, висевшей над тяжёлой бревенчатой дверью, с нарисованными на ней сдвинутыми пенящимися пивными кружками.

Доктор помедлил на пороге, положив руку на железную ручку двери.

— Понимаешь ли ты, поэт, что с этого момента твоя жизнь навсегда изменится?

— Возможно, это подаст мне идею написать что-нибудь, — сказал Гёте.

Доктор толкнул дверь и вошёл внутрь. Двойной аромат пота и отчаяния сбивал с ног, перебивая навязчивый запах прогорклого эля. Доктор сделал глубокий вдох, пытаясь выделить особенные запахи из

наиболее очевидных. Был один — сладкий, насыщенный, но Доктор не мог определить его источник. В баре было темно, но не настолько, чтобы увидеть нечто невозможное, пока дверь не закрылась за ним.

Двадцать голов повернулись разом; двадцать лиц Керизза уставились на него, с отчаянием в их серебряных глазах, в то время как они поднимали кружки к пересохшим губам. Рядом Гёте упал на колени, сбиваясь в рыданиях, без сомнения, столкнувшись с толпой своих мёртвых возлюбленных. Доктор ободряюще положил руку поэту на плечо.

— Будь силён, приятель, думай о вдохновении.

— Это ад, — пробормотал Гёте.

Один за другим «Кериззы» отворачивались от них, незаинтересованные, возвращаясь к своим кружкам со «Скорбью Вены».

— Кто из вас хозяин этого заведения? — спросил Доктор, одновременно ища в глубине карманов латунный калейдоскоп. Он всё понял, или хотя бы думал, что начинает понимать. Никто из «горюющих» не ответил, но он этого и не ожидал. — Ладно, попробуем по-другому. С кем мне нужно поговорить, чтобы пропустить здесь стаканчик?

Никто не шевельнулся.

Пальцы Доктора сомкнулись вокруг округлой формы холодного латунного калейдоскопа. Оглянувшись, он извлёк предмет из кармана. Изнутри таверна выглядела так же невзрачно, как и снаружи. Светильники оплыли, уровень масла в них был такой низкий, что они едва освещали края дубовых столов, на которых стояли. Пламя

в камине лизнуло чёрный от сажи дымоход, и тогда открытые угли потрескивали.

— Здесь для тебя всегда найдётся выпивка, путник, — сказал «Керизз», стоящий за барной стойкой, протирая кубок и наливая Доктору. — В конце концов, без доброты незнакомцев, кто мы — ты и я? Только путешественники, а спутники, дополняют нас. — Он протянул кубок Доктору через стойку бара.

Точность, с которой ранили слова бармена, не была совпадением, Доктор был в этом уверен. Существо пробовало на вкус его вину и сожаление, и смаковало их. Его боль стала оружием в руках существа. Доктор принял это, но не как боль, а как утешение, выбранное в память о том, что он больше всего любил в своих потерянных спутниках, закрываясь в надежде, которую они ему предложили когда-то, защищая себя всеми счастливыми мгновениями их дружбы.

Бармен ответил хищной улыбкой.

— Демоны! Каждый из вас! Проклятье, я в аду! — Гёте схватился за полы своего пальто, пытаясь укрыться в нём, на его лице было выражение дикого ужаса. — Доктор, спаси меня от самого себя, пока я окончательно не обезумел! Это врата в чистилище, о котором писал сам Данте, а эти пьяницы — хранители врат этого бездушного места! Нет ни опознавательного знака, ни спокойного схождения! Спаси меня!

— А, Иоганн, тебе как обычно? — Бармен начал наливать другую кружку тёмного, словно не замечая волнения поэта. — «Скорбь Вены», если я всё правильно помню? Разумеется, ведь это именно то, за чем все приходят к Ауэрбаху: поделиться страданиями с другими,

притворяясь, что напиваешься до посинения. Утонуть во тьме.

— Назад, приятель! — воскликнул Гёте, отпрыгнув от барной стойки.

— Разве так разговаривают со старым другом, Иоганн? Я был добр к тебе. Все мы были. По крайней мере, ты можешь выпить с нами.

Пока бармен был отвлечён отчаянием Гёте, Доктор повернул линзу калейдоскопа, отломив от неё латунную крышку. Боль поэта огорчала и его, Доктор осознавал каково это — потерять кого-то. Он лучше, чем другие знал каково потерять веру, оставшись одному, но всё же цеплялся за основные истины: он всё ещё верил в надежду, и ещё больше — в любовь. Два этих чувства лучше, чем все остальные описывали человеческое состояние. Механизм поддался в его руках, часть психотического устройства отпала. Модуль открылся и упал на пол, привлекая взгляды опечаленных людей.

Воспользовавшись тем, что все отвлеклись, Доктор вытащил три разделённые части линзы из верхней части калейдоскопа, и подхватил ближайшую лампу.

— Теперь, давай взглянем на тебя! — сказал Доктор.

Держа линзы напротив света масляной лампы, он увеличил свет пламени. Красный, зелёный и голубой цвета рассыпались по всей пивной, окутывая каждого из «горюющих» болезненным свечением. Фильтр отбросил горечь и сожаление, точнее, иллюзию их присутствия. Одно за другим, лица Керизза таяли, оставляя печальных мужчин и женщин, сидящих на подточенных червями стульях, и держащих свои печали в кружках перед собой. Свет сметал всё разом, освобождая их.

— Вон, демоны! Вон! — кричал поэт, колотя по стульям и столам в ярости.

Затем свет пал на бармена.

Доктор мог только наблюдать, как личина Керизза отслаивается от существа, которое вылило очередную порцию тёмного из кубка и поставило его на барную стойку.

У бармена не было лица, и он не мог в ответ смотреть на Доктора, оно было совершенно пустым, ровным и лишённым каких-либо черт, кроме двух серебряных глаз, сверкавших злобой.

— Что это такое? — прошептал поэт, напуганный видом, каким существо предстало перед ним.

— Вакханит, — сказал Доктор, разоблачая существо. — Оставь это место, создание. — Настойчиво приказал Доктор, подходя ближе. Тройной блик света дрогнул в его руках, и на пустом, мерцающем лице бармена будто нарисовались нос и уголок рта.

— С чего бы это? — прохрипел вакханит, холодным смехом отозвавшись в разуме Доктора. — Это было бы пустой растратой всей этой прекрасной боли.

— Это их боль, паразит. Их, а не твоя. Не тебе отмерять и разливать её. В последний раз прошу. Оставь это место.

— Дьявол проник в мой разум! — пробормотал Гёте, сжимая виски, будто пытаясь выдавить слова вакханита из своей головы. — Что это за магия? Прочь! Прочь, будь ты проклят!

— Подойди ближе, путник! В тебе столько страдания, такая бесконечная боль... не может быть... девять веков печали, ноша миров прошлого и будущего, совершенно

чистая. Ты не вино, путник. Ты как порция портвейна хорошо настоянной боли, подкреплённая хересом страдания, и джином печали. Ты выдержанный ликёр для раненой души. — Вакханит глубоко вдохнул, опьянённый, приближаясь к Повелителю Времени. — Со временем ты можешь стать моей любимой жертвой, путник. Я могу избавить тебя от страданий. Представь себе жизнь без боли, без сожалений, такую длинную и долгую жизнь! — Вакханит протянул Доктору кубок тёмного, который только что закончил разливать. — Выпей. Это для тебя, как всегда было. Сделай большой глоток и забудься ненадолго. Я чувствую твою боль. Я знаю каково это. Я знаю, что куда бы ты ни пошёл, эта боль всегда находит тебя. Всегда так много боли...

Доктор принял кубок из протянутых рук пришельца, и швырнул его к стене, тёмная жидкость пролилась на белоснежный камень, подобно крови под троящимся отсветом лампы.

— Я заслужил все свои печали. Каждую из них. Я не утрачу их и не схороню. Они сделали меня тем человеком, которым я стал.

— Хотя ты и не человек вовсе.

— Вино! — закричал Доктор Гёте. — Пролей вино!

Поэт метнулся к ревущему огню камина, выхватил деревянный топор, и бросился к барной стойке, размахивая им. Топор проломил первую бочку «Печали», разливая тёмное по всему глиняному полу, вино впитывалось в опилки и землю. Прежде чем вакханит смог остановить его, поэт разбил топором вторую и третью бочки прямо по швам. Пришелец издал крик отчаяния и гнева, поднялся над Гёте, вытянув руки, его пальцы

заострились, превращаясь в когти, и протянулись к лицу поэта.

Доктор опустился на колени рядом с барной стойкой, надеясь, что поэт сможет отвлечь вакханита на достаточное количество времени, чтобы его план сработал — хотя, честно говоря, это едва ли можно было назвать планом. Он вытащил остатки латунной трубки, которой раньше был калейдоскоп, и копался внутри, пытаясь добраться до защитного механизма. У калейдоскопа был такой — маленькое ухищрение, вовсе не предназначенное для защиты — ведь это была игрушка. Даже пока его пальцы искали подходящее устройство, Доктор пытался вспомнить то немногое, что знал о вакханитах. Они служили источником легенд, конечно, — пьяных гулянок, вакханалий, вдохновением и олицетворением пьющих богов римлян и греков, хотя греки, в конечном счёте, поняли двойную природу этих существ, ставшими для них мостом, связующим звеном между живыми и мёртвыми. Это было больше похоже на суеверие, чем на науку, но было пугающе близко к правде. Они жили за счёт того, что питались страданиями. Они искали великую любовь, потому что рядом с ней всегда была великая боль.

— Ну конечно! — сказал Доктор про себя как раз в тот момент, когда когти вакханита просвистели рядом с лицом Гёте, отбросив его над стойкой, назад, к двум напуганным пьяницам. Доктор резко свистнул. Существо повернулось к нему, тут же забыв о печали поэта, по сравнению с куда более богатым букетом печали Повелителя Времени. Доктор стоял, направив устройство на барную стойку, и включил механизм.

Пару секунд ничего не происходило, а затем устройство тренькнуло, и открылось как цветок лотоса, сияющий голубой цвет лился из сердцевины. И в этом свете появлялись изображения фигур возлюбленных: Елена и Парис, Мумтаз-Махал и Шах-Джахан, Тристан и Изольда, Антоний и Клеопатра, Элоиза и Абеляр, даже литературные герои — Монтекки и Капулетти — все они и ни один из них, изображение было таким прекрасным, и никто из них не мог надеяться достичь своей любви, только тянуться к ней.

— С великой любовью приходит великая боль, — сказал Доктор, глядя как внимание вакханита переключилось с него на светящиеся изображения невозможных возлюбленных.

Для него это был урок человечности: хотя один человек мог значить очень мало, эта малость многое значила для него. Вакханиту стоило знать — любовь причиняет боль, но без неё никогда не было бы надежды.

И хотя это выглядело для всех так, как будто открылись райские врата, в этом не было никакой магии. Возлюбленные не были Парисом и Еленой, как и многими другими, они были копиями, игрушками для представления. И здесь их любовь была прекрасна, печаль совершенна, и поскольку не была настоящей, полна.

Вакханит был существом простых желаний и простой боли; он не мог и надеяться совладать с искушением проекции, столь сильной была печаль, окружающая великих возлюбленных.

— Оставь это место, — повторил Доктор.

Вакханит пошёл навстречу свету, пытаясь дотянуться до него когтистыми лапами.

— Как много скорби! — музыкально протянуло существо.

Доктор кивнул, выжидая пару секунд, глядя как лицо вакханита принимало двуликую форму обоих возлюбленных из проекции, одну личину поверх другой. Существо тянулось, пытаясь хотя бы коснуться их, но его руки проходили сквозь голограмму, заставляя изображение колебаться и таять.

Вакханит вздрогнул от наслаждения, почувствовав воображаемую боль.

— Для меня здесь больше ничего нет, но там — там страдания намного больше, столько нерастраченной тоски, такая сладкая, милая потеря... — сказала существо само себе, и вступило в свет.

Его лицо снова распалось на разные черты, его истинное обличье было залито светом, он на самом деле изменял себя от получаемой иллюзорной боли, которой полностью отдавался, поглощая воображаемых возлюбленных.

— Мы встретимся снова, странник. В тебе страдания больше, чем в целой армии призраков.

— Надеюсь, вакханит. В самом деле, надеюсь. Потому что это будет означать, что я живой на самом деле, а не просто жив.

Но там уже ничего не было — ни боли, ни наслаждения, ничего. Вакханит отведал своего собственного отчаяния, когда начал понимать что происходит на самом деле, но прежде чем смог освободиться, Доктор уничтожил проекцию. На какой-то момент воцарилась тишина, но она была нарушена тихим, спокойным звуком, с которым «Скорбь Вены» разливалось

по полу таверны. Изумлённые и смущённые, скорбящие смотрели друг на друга, на Доктора, на поэта, лежащего на полу в полубессознательном состоянии, принявшего на себя боль целого города. Доктор спрятал механизм в карман, и обнаружил, что с сожалением смотрит на разбитую трубу калейдоскопа.

— Я правда любил этот маленький гаджет. Что ж, не стоит плакать над пролитым вином. — Он усмехнулся неудачному каламбуру, и всё равно забрал линзы и трубу, зная, что однажды, если будет время, он без сомнения попытается починить калейдоскоп.

Затем он склонился над поэтом.

— Кажется, утром тебя ожидает жесточайшее похмелье, но, по крайней мере, у тебя будет утро. Это то единственное, на что мы можем рассчитывать, не так ли?

— Что это было? — проямлил Гёте, пытаюсь сформировать мысли в слова, хотя получалось не очень.

— Что, как ты думаешь, это было?

— Демон, дьявол, существо из подземного мира.

— Описание не хуже, чем все другие, — сказал Доктор, поднимаясь.

— Но... но это невозможно.

— Да, не так ли? — глаза Доктора сверкнули в отсвете масляных ламп и открытого огня камина. — Используй воображение. Должен признать, было здорово встретить тебя, несмотря на всё это... — он взмахнул руками, описывая всю таверну. — Напиши об этом. У меня предчувствие, что твоя муза будет с тобой, если ты того захочешь, поэт. Только помни, неважно о чём ты пишешь, всё это будет о любви. Прекрасный момент счастья, который никогда не повторится, всё остальное — печаль.

Какие бы сделки ни предлагал дьявол, жизнь — борьба за мгновение, потому что если не проживать каждую секунду, это будет ещё одной маленькой смертью на пути к окончательной тьме. Помни это, и ты будешь в порядке!

— И всё же... откуда это существо пришло? Куда делось? Я ещё столько не понимаю, Доктор!

— Так сам и сочини! — ответил Доктор. — В конце концов, это то, чем занимается большинство писателей. Было удовольствием познакомиться с тобой, поэт. Я обязан тебе больше, чем ты можешь себе представить, но к чему в итоге всё это было, а? К надежде? Пусть она будет твоим щитом, а перо будет сильнее меча.

А затем он оставил поэта лежащим в печали, в старом городе призраков. Последняя капля скорби просочилась сквозь пол и впиталась в землю. Печаль, что пыталась души поэтов, музыкантов и художников в этом великом городе. И Доктор так же знал, что начало знаменитой истории о сделке с дьяволом, чёрных собаках, и о том, как единственное мгновение счастья может стать спасением души, уже начало формироваться в голове поэта.